

Алфавит, язык и идентичность в Бессарабии второй половины XIX — начала XX вв.

Олег ГРОМ

Abstract

The article focuses on the debates concerning language and alphabet in late imperial Bessarabia. The main argument is that Bessarabia, in contrast to the other Russian borderlands, was not an object of a strictly determined “alphabetical policy”. Local writers and publishers were relatively free in the choice of the alphabet, orthography and literary standard for the local version of the Romanian language. In the early XX century several versions of the alphabet circulated in Bessarabia. The dilemma of Cyrillic vs. Latin was resolved in favor of the first alternative because the majority of the Moldavian population was not familiar with the Latin alphabet.

Keywords: Bessarabia, alphabet, language policy, Romanian language

В данной статье рассматривается «алфавитный вопрос» в позднеимперской Бессарабии, который являлся частью более общего языкового вопроса, имевшего связь с идентичностью автохтонного населения края. Как отмечал Алексей Миллер, «язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а шрифт и алфавит представляют собой весьма многозначный символ, который нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности»¹. В последнее десятилетие алфавитно-языковой политике на различных окраинах Российской империи уделялось достаточно много внимания. В этой связи тема алфавита в Бессарабии, практически не затрагивавшаяся в историографии, представляет особый интерес. Прежде чем перейти непосредственно к бессарабскому случаю, нелишним будет сделать небольшой обзор наиболее существенных проектов алфавитной политики в Российской империи.

Первые попытки проведения алфавитной политики в Российской империи отмечаются во второй четверти XIX века. Так, после восстания 1830–1831 гг. высказывался ряд предложений по переводу польского языка на кириллицу. В 1844 г. министр народного просвещения граф С. С. Уваров и наместник Царства Польского генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский обратились к императору Николаю I с предположениями

¹ Алексей Миллер, *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования* (Москва: Новое Литературное Обозрение, 2006), 78.

«о средствах к приведению в действие мысли о применении русской азбуки к польскому языку». По высочайшему повелению был создан комитет для рассмотрения этой проблемы, а выбор его членов предоставили С. С. Уварову. Комитет работал с перерывами в 50-60-х годах. В разработке новой азбуки для польского языка принимал непосредственное участие сам Николай I. Николай оказался противником сближения польской кириллицы с латинским оригиналом и настаивал на как можно большем сближении с существующей русской орфографией².

В 1865—1869 гг. осуществлялись попытки издания польских учебников, напечатанных кириллицей³. Эти издания ориентировались не на образованные слои польского общества, а на крестьянскую массу, которую, по мнению имперских властей, еще можно было, если не «русифицировать», то, по крайней мере, сделать более лояльной. Начиная с 70-х гг. XIX в. проекты кириллицы для польского языка сворачиваются.

Одним из наиболее примечательных проектов конструирования идентичности с помощью алфавита можно считать эксперимент по кириллизации литовского языка, осуществлявшийся на практике с 1864 по 1904 гг. и совпавший по времени с запретом на латинскую азбуку для белорусского и украинского языков. Целью эксперимента была не столько русификация литовцев, как зачастую принято считать в литовской историографии, сколько максимальное дистанцирование их от поляков⁴. Так, виленский генерал-губернатор К. Кауфман в циркуляре от 6 сентября 1865 г. объяснял, что переход на кириллицу должен был «избавить народные массы от полонизации, образовать их, сделать вполне грамотными, научить писать на племенных наречиях и на русском языке»⁵. Эти меры должны были способствовать укреплению «культурной» литовскости. О формировании же политического литовского самосознания со стороны имперских властей речи идти не могло⁶. Примечательно, что в некотором смысле интенции властей совпадали со стремлениями самих литовских националистов, для которых пан-польский проект представлял определенную угрозу.

Существовал, впрочем, и другой подход к реформе литовской письменности, обусловленный практическими мерами, принимавшимися чиновни-

² Б.А. Успенский, *Историко-филологические очерки* (Москва: Языки Славянской Культуры, 2004), 124.

³ Ibidem, 123.

⁴ Миллер, *Империя Романовых и национализм*, 89.

⁵ Дариус Сталюнас, «Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов», *Ab Imperio*, 2 (2005), 237-238.

⁶ Ibidem, 240.

ками Виленского учебного округа. По мнению этих чиновников, существовала непосредственная связь между языком и алфавитом. Так, «латино-польская азбука» полонизировала литовцев, а готические буквы «онемечивали» их. Фактически литовские книги, напечатанные польскими буквами, в глазах чиновников считались польской литературой⁷. В этой связи кириллица была не просто системой записи языка, но и цивилизационным выбором.

За 40 лет существования запрета на латиницу для литовского языка (1864-1904) было опубликовано всего около 60 книг на литовской кириллице⁸. В то же время известно около 4000 литовских книг и брошюр (без учета периодических изданий), изданных латинским или готическим шрифтом за тот же период. Почти все они вышли за пределами Литвы (2687 в Восточной Пруссии и 712 в США). Таким образом, количество латинских изданий превышало кириллические примерно в 66 раз⁹.

По замыслу чиновников ВУО, для литовского языка предполагалось использовать только «коренную русскую азбуку». Употребление иных знаков рассматривалось как признание того, что тому или иному языку недостаточно привычных русских букв¹⁰. Тем не менее, большинство вариантов кириллицы предполагало существование дополнительных знаков, хотя и базировавшихся на буквах русского алфавита. К тому же, транслитерация осуществлялась таким образом, чтобы вид литовских слов как можно больше напоминал их русское соответствие. Иногда даже не скрывалось, что введение кириллицы поможет литовцам скорее научиться русскому языку¹¹.

Примером подобного «сближения» орфографии русского и литовского может служить система Кречинскиса, в которой буква ʃ употреблялась в своеобразном квази-этимологическом значении. Кречинскис обратил внимание, что некоторые литовские и русские слова похожи и использовал это сходство в своей орфографии: рʃтай (retai) - рʃдко, ʃсти (ėsti) - ʃсть, сʃнась (sienos) - сʃно и т.д.¹² Вероятно, в основе подобных проектов лежало представление о литовцах как о группе, близкой к славянам или даже являющейся славянской, бытовавшее среди русских в середине XIX века. Однако, подобные орфографические изыски оказались непрактичными, так как от человека требовалось знание не только литовского языка, но и русского,

⁷ Ibidem, 248.

⁸ Giedrius Subarčius, "Development of the Cyrillic Orthography for Lithuanian in 1864-1904," *Lithuanian*, 52 (2005), 9.

⁹ Ibidem, 30.

¹⁰ Сталюнас, "Идентификация, язык и алфавит литовцев," 249.

¹¹ Ibidem, 249-250.

¹² Subarčius, "Development of the Cyrillic Orthography for Lithuanian," 30.

причем с учетом орфографических и этимологических тонкостей, не совсем очевидных даже тем, для кого русский язык был родным.

По мере становления литовского национального движения, кириллица, встреченная с некоторым энтузиазмом, как способ дистанцирования от польскости, стала все больше рассматриваться литовцами в качестве обузы, чужеродной идеи, навязанной имперским центром. Протест против кириллизации вызвал появление движения книгоношей, контрабандой доставлявших в Российскую империю литовскую литературу, напечатанную латинским алфавитом. При этом издание кириллических книг постоянно сокращалось. Провал проекта перевода литовского языка на кириллицу привел в 1904 г. к отмене запрета на издания латинским шрифтом.

В Поволжье и на азиатских окраинах Российской империи «официальная» кириллица соперничала по преимуществу с арабским алфавитом, употреблявшимся мусульманским населением, говорившим на различных, в основном тюркских, языках и диалектах. Кириллицу пытались использовать с миссионерскими целями давно, но наибольшего успеха в кириллизации письменностей народов Поволжья и Средней Азии добился востоковед, просветитель и миссионер Н.И. Ильминский, разработавший систему «транслитерации» инородческих языков. Ильминский настаивал на том, что просвещение инородцев должно осуществляться на их родном языке, причем преимущество отдавалось живому разговорному говору, в противовес книжной традиции (там, где она существовала). Составной частью «системы Ильминского» было использование русского алфавита. Кириллица для него имела не только символическое значение, но и политический смысл «в силу объединения народов одним правительственным алфавитом, а через него и языком государственным»¹³.

Из трех способов «транскрипции» инородческих языков - русский алфавит с диакритическими знаками, русский алфавит с дополнительными буквами и «чистый» русский алфавит — Ильминский отдавал предпочтение последнему, считая, что русская азбука достаточна для передачи фонетики всех восточных наречий, а попытки изобразить на письме фонетические тонкости только запутывают дело¹⁴. В то же время, он признавал полезным в ряде случаев использовать диакритические знаки¹⁵. Это не вызывало противоречий, т.к. Ильминский не считал добавление надстрочных знаков существенной модификацией, приводившей к созданию самостоятельных сим-

¹³ Николай Ильминский, *Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам*, (Казань: Тип. Императорского Ун-та, 1883), 9.

¹⁴ Ibidem, 6-7.

¹⁵ Ibidem, 15.

волов и нового алфавита¹⁶. Алфавит для него был признаком «генетической религиозной связи народов», значимый, в первую очередь, как символ¹⁷. Ильминский также считал важным, чтобы инородческие тексты более-менее однозначно читались русскими. Так, по его словам, русские «скандализировались», видя буквы Ъ и Ь в непривычном значении, изначально использовавшиеся в чувашском алфавите, составленном последователем Ильминского чувашским просветителем И.Я. Яковлевым, который в итоге был вынужден заменить эти символы на **Й** и **Ѓ**¹⁸.

Идеи Ильминского оказали огромное влияние на подходы к алфавитам инородческих языков Российской империи. Следы этого влияния могут быть прослежены и в бессарабском случае.

С XVI века для румынского языка использовался алфавит, основанный на старославянском, однако, отличавшийся как наличием дополнительных букв (Ѣ — *î(n)*, ѣ — *g(e)* ѣ - «немое» *iü*), так и оригинальным фонетическим содержанием старославянских символов (Ѣ — *ea*, ѣ — *ä*, ж — *â*, ѣ — *ï*). Примечательно также, что румынский был единственным неславянским языком, имевшим устойчивую традицию использования кириллицы. В начале XIX в. в Дунайских княжествах наметилась тенденция реформирования и модернизации алфавита, выразившаяся в исключении избыточных букв, упрощении правил, доставшихся в наследство от старославянского письма. К 40-м г. XIX в. все чаще используется гражданский шрифт вместо традиционного. В 40-50-е получает распространение т. н. «переходный алфавит», представлявший из себя смесь латинских и кириллических букв. С образованием Румынского государства, в начале 60-х годов, переходный алфавит окончательно заменяется латиницей.

В Бессарабии на протяжении всего XIX в. имел распространение преимущественно традиционный алфавит, использовавшийся для печати религиозной литературы. Тем не менее, запрутские графические новшества, так или иначе, проникали и сюда. Однако, их распространение часто встречало противодействие местных консервативно настроенных образованных людей и представителей церкви. Так, Яков Гинкулов в «Начертаниях правил молдавско-валахской грамматики» негативно оценивал тенденции упрощения алфавита и эксперименты с полным или частичным переходом на латинское письмо, отмечая, что «латинская азбука для валахо-молдавского языка

¹⁶ Здесь уместно напомнить, что в самом русском по существовавшей тогда традиции знаки Й и Ё не считались отдельными буквами алфавита.

¹⁷ Ibidem, 37.

¹⁸ Ibidem, 15.

Despre schimbare numelui Rumânilor Daciei în „Vlahi, séu Valahî.”

—

1. Nađiele Славоане din vekime da numele de «Влахі», локѣиторѣ Италиѣ, ка челорѣ, че вѣдѣса în o parte a Италиѣ, че се нѣмеа Лаѣзмѣ, шѣ de аіче — Ласіі шѣ маі пѣ-
рѣмѣ — „Влахіі.” Інсѣ, дѣуре че Бѣлгаріі шѣ Славіі аѣ інтрѣтѣ
în Daciea шѣ аѣ даѣ neste Колоніітіі romani, че ераѣ трѣ-
міші din Italia, аѣ інченѣтѣ а і нѣмі шѣ пре ачеліі «Влахі,
сѣѣ Valahî», ка пре зніі, че і кѣноутѣ de italieni. Цѣр-
маніі (Nemđii) мѣлѣ тімѣш аѣ нѣмітѣ пре локѣиторіі Daciei
шѣ a Италиѣ totѣ кѣ знѣ нѣме, адекѣ, Велішенѣ, іар пре

Латинский шрифт и переходный алфавит. Фрагмент из книги И. Дончева
«Начальный курс румынского языка», 1865

несравненно беднее славянской»¹⁹. Не последнюю роль в выборе Гинкулова в пользу кириллического письма, по-видимому, сыграла его идея о том, что румынский язык в основе своей является славянским, подвергшимся лишь поверхностному латинскому влиянию²⁰.

Другой тип отношения к вопросам языка и орфографии представлял Иоанн Дончев, автор «Начального курса румынского языка». В своем учебнике он пытался учесть все изменения, произошедшие с румынским языком в предшествовавшие несколько десятилетий, включая эксперименты со шрифтом и алфавитом²¹. В отличие от Гинкулова, Дончев не ставил под сомнение латинскую основу румынского языка. По его мнению, «новорумынский язык» закономерно использует латинский алфавит, т. к. новые правила и слова «яснее и основательнее могут быть объяснены возобновленным (Дончев придерживался версии, что молдаване пользовались, как и другие романские народы, латинскими буквами до реформы господаря Александра Доброго — О.Г.) шрифтом»²².

¹⁹ Яков Гинкулов, introduction to *Начертание правил валахо-молдавской грамматики* (СПб: Тип. Императорской академии наук, 1840, XV.

²⁰ Ibidem, introduction, XIII-XIV.

²¹ Иван Дончев, introduction to *Начальный курс румынского языка* (Кишинев: Тип. Акима Попова, 1856), IV-V.

²² Ibidem, introduction, V.

Как отмечалось выше, многие окраинные языки Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. подвергались тем или иным формам регламентации со стороны центра. В одних случаях речь шла о попытках вытеснения языка из тех сфер, где он имел сильные позиции (польский во второй половине XIX в.), в других — об ограничении процесса эмансипации молодых литературных языков²³. В отношении молдавского (румынского) языка до 70-х гг. XIX в., когда он был вытеснен из сферы богослужения и образования, хотя и непоследовательно, проводился первый сценарий. На рубеже XIX — нач. XX вв. языковая политика смягчается; румынский, пусть и в ограниченных масштабах, допускается в богослужении и образовании (как факультативный предмет), он также проникает и в публичную сферу. При этом использование румынского языка все же остается ограниченным, в том числе благодаря цензуре, которая особенно пристально относилась к литературе, ввозимой из Румынии. Однако, едва ли можно говорить о какой-либо целенаправленной и последовательной языковой политике применительно к Бессарабии. Косвенным подтверждением этого служит то, что российские власти никогда всерьез не заботились о проблеме алфавита, применявшегося для молдавского языка. В Бессарабии имела хождение как литература на кириллице, так и на латинице. При этом тексты, изданные латинским шрифтом, были за редким исключением привозными, в то время как местные издатели предпочитали кириллицу, как более знакомую местному населению. Единственным известным исключением была попытка запретить в административном порядке использование в обучении семинаристов латинского шрифта наряду с молдавской кириллицей. Впрочем, благодаря протесту учеников и учителей, а также вмешательству епископа Владимира, эта попытка осталась нереализованной²⁴. Впрочем, отсутствие официальной алфавитной политики не означало отсутствие попыток косвенно влиять на графический вид румыноязычной печатной продукции, издаваемой в Бессарабии.

«Невмешательство» властей в алфавитный вопрос может быть объяснено тем, что в масштабах империи пик экспериментов с алфавитами инородческих языков пришелся на 1860-70 гг., когда молдавский оказался почти полностью вытесненным из публичной сферы. Единственной сферой, в которой он продолжал функционировать, оставалась, несмотря на попытки церковной русификации, религиозная жизнь. В церкви применение какого-то иного алфавита, кроме кириллического, по каноническим соображениям было практически исключено. В соседней Румынии в 70 - 80-х гг. серьезной проблемой стала модернизация богослужебного языка: замена кириллицы лати-

²³ Миллер, *Империя Романовых и национализм*, 82.

²⁴ *Basarabia*, 10 (1907).

ницей; приближение языка службы ко вновь созданному литературному румынскому, отличавшемуся исключением «чужеродных» элементов (прежде всего славянских, греческих, турецких и т.п.) и заменой их общероманской или французской лексикой²⁵. Бессарабия на какой-то момент стала последним очагом старой традиции, а церковные книги, печатанные кириллицей, пользовались в соседней стране спросом.

После нескольких десятилетий русификации, письменная традиция во многом прервалась, и для издателей новой молдавской литературы встал вопрос, каким именно алфавитом воспользоваться. В связи с этим в конце XIX в. получает распространение практика использования гражданского шрифта в молдавских изданиях, предназначенных для учебных целей. Интересный пример такого рода представляет «Русско-молдавский словарь», изданный Александром Балдескулом в Одессе в 1896 году²⁶. Его отличительной особенностью выступало использование диалектного варианта молдавского языка и отображение диалектной фонетики с помощью русского алфавита. Звук /ă/, отображение которого на письме может служить своеобразным «маркером», отличающим одну систему записи молдавского языка от другой, передавался либо как «а» (в тех случаях где это соответствовало молдавской фонетике), либо как «е». Сохранялись такие особенности русской орфографии, как «і» десятеричное и конечный ер.

В 1900 г. кишиневский священник Михаил Чакир издал «Помощник молдаван для первоначального изучения русского языка», книгу, целью которой было «приближение» русского языка к молдавским крестьянам. Чакир, подобно Балдескулу, использовал немодифицированный русский алфавит. «Помощник» был составлен по дидактической системе Ильминского, применявшейся для «восточных инородцев». В контексте темы статьи, интересен не столько сам учебник, сколько рецензия на него профессора Новороссийского университета А.А. Кочубинского, в которой он дает свою трактовку языку и алфавиту издания. Кочубинский настаивал, что язык «Помощника» чистый, народный, в противовес запрутскому румынскому. Последний он характеризовал не иначе как искусственный, «порождение национально-го шовинизма и политического фанатизма»²⁷. Особенно Кочубинский отмечал, что «третье достоинство молдавского учебника отца Чакира, это — принятая им русская графика для звуков молдавского языка. По-видимому,

²⁵ Подробнее см.: Арсений (Стадницкий), *Исследования и монографии по истории молдавской церкви* (СПб., 1904), 211 - 309, 407 - 458.

²⁶ Александр Балдескул, *Русско-молдавский словарь* (Одесса, 1896).

²⁷ Александр А. Кочубинский, «Частные молдавские издания для русской школы», *Журнал Министерства Народного Просвещения*, CCCXXXVII (1903), 401.

Доброе ўтро.	Буна деминаца.
Постоваръ читай моли́тву.	Постоваръ шетешти ругачу́ня.
Садитесь по мѣста́мъ и от- крѣйте кнѣ́ги.	Шидецъ ѡ́нъ локуръ шѣ́ ди- скоперѣцъ картели.
Фурника читай ба́сню лиси- ца и виногра́дъ.	Фурника шетешти фабу́ла гу́льня шѣ́ поа́ма.
Ты Негрэ́скъ да́вно учи́шь- ся въ шко́дѣ.	Ты Негрэ́скъ димѣ́лъ ты ѡ́нъ- вѣ́ць ѡ́нъ шко́а́лы.
Какі́я зна́ешь моли́твы.	Шѣ́ ругачу́ни шѣ́ти.
Скажи Тури́ца гдѣ́ ты жи- вѣ́шь? въ го́родѣ́, селе́- ні́и или дере́внѣ́.	Спѣ́ни Ту́рица ѡ́нди ты тра- сѣ́шь? ѡ́нъ ора́жъ, сло- бо́зѣ́е, о́ръ са́тъ.
Какъ́ тебѣ́ зовѣ́тъ.	Кѣ́мъ питѣ́ни титѣ́ми.
А ты́ зна́ешь уро́къ.	Да́ ты шѣ́ти уро́ку́лъ.
Слу́шайте со внима́ніемъ	Аску́тацъ кѣ́ са́ми.

Фрагмент «Русско-молдавского словаря» А. Балдескула, 1896

вопрос формы, незначительный; но в действительности — высокого общего интереса, интереса государственного»²⁸. Здесь Кочубинский проявил себя как радикальный сторонник идей Ильминского о «чистом» русском алфавите для инородческих языков. Обращаясь к истории румынской письменности, Кочубинский настаивал на исконности кириллицы. Идея перехода на латинский шрифт, особенно в русской Бессарабии, отвергалась им со всей категоричностью: «Излишне говорить, что мы в молдавской книге, предназначенной для молдавского мальчика народной школы в центральных уездах Бессарабии, можем позволить только наш русский шрифт»²⁹.

При всех отмеченных «достоинствах», приближающих книгу к истокам, старине, народу и русской государственности, в которых Кочубинский видит систему, он не может пройти мимо очевидного запрутского влияния и в языке, и в использованной Чакиром грамматической терминологии, румынских географических названиях и т. д.: «Французская географическая терминология, как и историческая, математическая, целиком перенесены в молдавский язык по ту сторону Прута господами из Букарешта. К чему же нам своих мальчиков портить, пичкать их головы ненужным хламом?»³⁰. Одна-

²⁸ Ibidem, 404.²⁹ Ibidem, 405.³⁰ Ibidem, 405-406.

ко при этом, Кочубинский, безусловно, знакомый с отличиями «народного языка», т. е. молдавского диалекта, от литературного румынского, вопрос по сути о «румынской» фонетике языка «Помощника» старательно обходит.

Сходные идеи использования в деле молдавского просвещения «народного языка» в противовес «культурному румынскому» высказывали в начале XX века епископ Кишиневский и Хотинский Серафим (Чичагов), бессарабский публицист В. Якубович и др. Хотя они и не затрагивали прямо вопрос об алфавите, но не вызывает сомнения, что идею использования латинского письма, по крайней мере в бессарабских изданиях, они не приветствовали.

На рубеже XIX и XX веков отмечается осознание в церковных кругах необходимости проповедовать на языке народа. В 1898 и 1900 г. кишиневский епископ Иаков (Пятницкий) дважды обращается к Синоду с просьбой разрешить использование молдавского языка в миссионерской деятельности. Иаков указывал на существование молдавских изданий за границей, в Румынии, но язык этих изданий, по его словам, отличался от языка бессарабских молдаван. Кроме того, румынские книги печатались латинскими буквами, недоступными или с трудом доступными местным грамотным людям³¹. Синод удовлетворил просьбу Иакова, разрешив печать молдавских религиозных книг и брошюр под контролем кишиневского Христорождественского братства.

Листки братства издавались в двух столбцах, содержащих параллельный текст на русском и молдавском языках церковно-славянским шрифтом. Тексты изначально писались на русском, а затем переводились на молдавский. Главным переводчиком выступал священник-молдаванин Михаил Пламадялэ, который «изучал молдавский язык еще в бытность свою учеником Кишиневской духовной семинарии, где в его время молдавский язык проходили в числе прочих предметов семинарского курса»³². Привлечение к изданию листовок людей, обучавшихся до запрета на преподавание молдавского языка в учебных заведениях Бессарабии, по мнению церковных властей, должно было гарантировать «доступность» языка листовок простому народу.

Проблемой для издателей листовок стал вопрос об алфавите. По этому поводу была создана особая комиссия переводчиков, члены которой придерживались противоположных мнений. Одни выступали за использование «древне-молдавского» шрифта (традиционного кириллического алфавита), аргументируя это тем, что не все звуки молдавского языка могут быть переданы гражданским шрифтом. Другие, во главе с М. Пламадялэ, настаивали на

³¹ *Кишиневские епархиальные ведомости* (далее — КЕВ), 4 (1901), 106-108.

³² *КЕВ*, 7 (1905), 143.

принципиальной возможности передачи всех молдавских звуков средствами русского алфавита. В итоге, большая часть листовок печаталась гражданским шрифтом, но делалось это, в первую очередь, по техническим соображениям. С открытием же епархиальной типографии, а также в связи с переменами в составе комиссии переводчиков (перевод был поручен священнику Иустину Игнатовичу и преподавателю молдавского языка в Кишиневской духовной семинарии Григорию Константинеску, скептически относившемуся к «чистой» гражданке), листки стали издаваться старорумынской кириллицей и без параллельного русского текста³³.

В начале XX в. в общественной жизни Бессарабии все более важную роль начинают играть интеллектуалы молдавского происхождения, проповедовавшие националистические идеи. Для националистов вопрос об алфавите стал актуальным вместе с идеей издания собственной газеты на молдавском языке, которая впоследствии получила название «Basarabia». Как и большинство последующих газет, «Basarabia» печаталась с помощью одной из вариаций на тему русского «гражданского шрифта», но при этом заголовок воспроизводился латинскими буквами, что, несомненно, имело символическое значение, отсылая с одной стороны к запрутской печатной традиции, с другой — ставило целью будущий переход на латинский шрифт. Кириллицу национальные активисты, по всей видимости, рассматривали как временную и неизбежную уступку; по мере распространения грамотности населения и панрумынских идей она должна была уступить место латинице. В целях пропаганды латиницы в газете периодически печатались сопоставительные таблицы «румынских» и «русских» букв. Разработкой по сути новой системы записи молдавского языка занимался видный национальный активист Ион Пеливан³⁴. Так, в 1905 году в своем письме бессарабскому политическому эмигранту Замфиру Арбуре он писал: «Нам нужна молдавская газета. Поскольку большинство не читает латинским шрифтом, существует необходимость *какое-то время* (курсив мой — О.Г.) издавать газету русским шрифтом. Тем не менее, русская азбука не отвечает полностью румынской фонетике. Буквы, а лучше сказать звуки: „h“, „đ“, „g(e)“, „ÿ“ (вторая и последняя были официально исключены из румынского правописания еще в 1904 г. — О. Г.), отсутствуют в русском алфавите, мы полагаем, что можем их заме-

³³ «Краткий исторический очерк противораскольнической миссии в Кишиневской епархии с 1813 до 1910 года», *Труды Бессарабского Церковного Историко-Археологического Общества*, III (1909), 92-93.

³⁴ Theodor Incuțel, «Ion Pelivan și ziarul „Basarabia”», *Viața Basarabiei*, 7-8 (1936), 502-503.

нить буквами «х», «дз», «дж», «у» и «ъ». Но мы посчитали, что лучше всего попросить Вашего совета»³⁵.

В окончательном варианте написание все же было максимально приближено к нормам русской орфографии и, по сути, представляло собой своего рода транслитерацию. Например, звук «ă» передавался буквой «э» вместо традиционной для румынской кириллицы «ъ»; использовавшийся в старопечатной практике ять был заменен на «я» (кроме некоторых русских заимствований, например, «сыг^ѣздул»); сохранялись правила употребления букв «и» и «і», характерные для русской орфографии того времени. Все это должно было способствовать лучшему восприятию текста аудиторией, которая читала скорее по-русски, чем по-молдавски. Подобные проблемы в модификации кириллицы возникали не только у бессарабских активистов, но и на других окраинах, где местные националисты сталкивались с населением, обучавшимся преимущественно на русском языке. Так, например, один из лидеров украинского национального движения второй половины XIX в. М.П. Драгоманов предлагал не гнаться за «графической оригинальностью», а ориентироваться на принципы русского правописания: «...мы только затрудняем нашему народу, который учится на русских книгах в школе, чтение наших изданий, затрудняем допуск наших книг в народные школы...»³⁶. Однако примечательно, что сам Драгоманов предложил несколькими годами позже один из наиболее радикальных украинских алфавитов, известный как «драгомановка».

Цели большей понятности текстов газеты «Basarabia» также служило воспроизведение некоторых фонетических особенностей молдавского народного произношения (например, передача конечного «э» через «ы») и пояснение в скобках неологизмов и слов, неизвестных в бессарабских говорах, через синонимы из народного языка, и даже «перевод» некоторых исконных слов с помощью русизмов. В то же время, со стороны редакторов и корректоров «Basarabia» наблюдалась обратная тенденция передачи с помощью кириллицы особенностей румынской орфографии. Так, широко используемый глагол связка «сынт» писался как «сунт»; в Румынии подобное написание было обусловлено квази-этимологическим принципом, т. е. приближало внешний вид этого базового глагола к его виду в других романских языках. Характерно, что даже этноним «молдаванин» чаще всего воспроизводился на румынский манер как «молдовян», в то время как в раз-

³⁵ Pan Halippa, "Ion Pelivan – viața și activitatea" in Pan Halippa. *Publicistica*, (Chișinău: Museum, 2001), 48.

³⁶ М.П. Драгоманов, *Літературно-публіцистичні праці*, vol. I, (Київ: Наукова думка, 1970), 178.

говорном языке использовалась форма «молдован». В целом, в орфографии наблюдалось противоборство двух тенденций: сближения письменного языка с разговорным и адаптации норм стандартного румынского для бессарабских крестьян. Несмотря на то, что националисты откровенно тяготились «русским литературным шрифтом», созданная для газеты система записи молдавского языка оказалась достаточно удачной для восприятия русифицированным населением и впоследствии использовалась в различных печатных изданиях в Бессарабии, а в немного измененном виде и в Советской Молдавии. В основе этого алфавита лежали принципы, схожие с принципами Ильминского: максимальная приближенность к стандартному русскому алфавиту, подбор букв таким образом, чтобы их могли более-менее однозначно прочитать и русские, и молдаване, учившиеся в русской школе, а также сохранение орфографического облика заимствованных слов. Сомнительно, чтобы Пеливан и другие издатели первых молдавских газет напрямую вдохновлялись идеями Ильминского. Скорее всего, сходство было случайным, вызванным исключительно практичностью подобного подхода.

Не только алфавит и орфография, но и сам язык представлял для национальных активистов, особенно для «молодых», получивших образование на русском языке, известную проблему. Теодор Инкулец признавался в своих воспоминаниях: «Мы писали тяжело, потому что думали по-русски. Гаврилицэ (главный редактор газеты — О.Г.) же легко писал по-румынски, потому что прежде чем написать не думал по-русски»³⁷. Также известно, что для части бессарабских националистов румынский вообще не был родным языком, как, например, для Алексея (Алексиса) Ноура, выучившего румынский, уже будучи взрослым человеком и специально для этой цели совершившего поездку в Румынию³⁸.

Трудности с языком, на котором издавалась «Basarabia», отмечал румынский публицист Серджиу Кужба, приехавший в Кишинев специально для помощи в издании газеты. Своей жене Элизе он писал: «Ты видишь, что я приехал как-будто на войну, и что работаю здесь как раб с утра до вечера... Нужно изводить себя и читать все статьи, которые написаны русскими буквами на испорченном и тяжелом румынском языке». Язык этот, по мнению Кужбы, был настолько плох, что «даже бедный крестьянин с трудом читает газету — единственную свою надежду»³⁹. Но и идеальный румынский Кужбы был не меньшей проблемой: «Кужбу нужно было учить писать по-мол-

³⁷ Цит. по: Iurie Colesnic, *Basarabia necunoscută*, vol. I, (Chişinău: Universitas, 1993), 37.

³⁸ Iurie Colesnic, *Basarabia necunoscută*, vol. II, (Chişinău: Museum, 1997), 80.

³⁹ Gheorghe Negru, «Intellectualii basarabeni», *Destin românesc*, 4 (2002), 19.

давски, - писал Теодор Инкулец, - потому что иначе его не понимали молдаване»⁴⁰.

В январе 1907 г., на деньги губернских властей начинается издаваться проправительственная газета «Молдованул» (Молдаванин), редактором которой был фольклорист и театральный актер Георгий Мадан. Газета Мадана использовала систему записи молдавского языка, аналогичную той, что использовалась при издании «Basarabia» Единственным ее существенным отличием было употребление ера (Ђ) на месте Э, заимствованное из старорумынской кириллицы. Язык же газеты в целом был немного более «литературным», что было обусловлено тем, что Мадан, как бывший эмигрант и сотрудник многих румынских газет, обладал большим опытом в журналистике, чем авторы и издатели «Basarabia».

В начале марта 1907 г., незадолго до закрытия «Basarabia», Алексис Ноур анонсирует выход новой молдавской газеты под названием «Viața Basarabiei»⁴¹. Газета начала выходить 22 апреля 1907 года. Ее спецификой стало то, что она выходила в двух вариантах: с использованием кириллического алфавита «для тех, кто читает по-русски» и на латинице «для широкой интеллигентной публики в Бессарабии и во всех странах, населенных румынами». Обе версии газеты отличались не только алфавитом и стилем, но и отчасти содержанием⁴². Сам Ноур считал идею издания газеты в двух версиях продуктивной и своевременной. «Viața Basarabiei» также была, ни много ни мало, «первой румынской газетой в Бессарабии, т. е. редактировавшейся по-румынски, с латинскими буквами, и печаталась в первой румынской типографии в этой стране»⁴³. По его мнению, это было одной из составляющих «успеха» издания⁴⁴. Вероятнее всего, попытка приучить бессарабских молдаван к латинской графике была частью ноуровской программы по превращению «русифицированного молдаванина в живого румына».

Вопрос об отношении властей к алфавиту и языку не однозначен. С одной стороны, как уже говорилось выше, нет свидетельств о регламентации в этой сфере, с другой, очевидно, что латинский алфавит и бухарестские языковые нормы едва ли были желанными. Прямых конфликтов на этой почве не возникало потому, что сами молдавские культурные активисты не спешили расставаться с доступной населению кириллицей, но старались сделать

⁴⁰ Цит. По: Colesnic, *Basarabia necunoscută*, vol. I, 40.

⁴¹ *Basarabia*, 19 (1907).

⁴² Ștefan Ciobanu, *Cultura românească în Basarabia sub stăpânirea rusă* (Chișinău: Editura „Asociației Uniunea Culturală Bisericească din Chișinău”, 1923), 291-293.

⁴³ Alexis Nour, “Scrisori din Basarabia,” *Viața Românească*, 9 (1907), P. 392.

⁴⁴ *Ibidem*, 395.

язык своих текстов как можно более понятным, как с точки зрения графики, так и с точки зрения языка. Ноур приводит пример подобного отношения со стороны губернатора Харузина, воспроизводя разговор с ним (вероятнее всего, состоявшийся по случаю получения Ноуром разрешения на издание газеты). Харузин предупреждает Ноура о возможных последствиях: «Я в курсе ваших сочинений в румынской прессе и в случае чего... вас найдут в течение 24 часов даже в самых отдаленных местах Бессарабии». Выход за рамки дозволенного предполагал использование литературного румынского и пропаганду «революционных» и «сепаратистских» идей: «Лучше опасайтесь того, что не получите нашего расположения, если не будете писать русскими буквами и на местном народном «жаргоне»; борясь с революцией, автономией и различными *сепаратизмами*. Но я не потерплю никаких намеков на эти идеи...». Взгляд Харузина на молдавское население диктовался «государственными интересами» (здесь мы видим, как и в случае с Кочубинским, связь алфавита с государственными интересами), предполагавшими ограждение их от влияний извне и, в перспективе, ассимиляцию: «Мы находимся в России и, с нашей точки зрения, молдавский народ — это *пришелец из-за Карпат*, а язык его не является самостоятельным, но представляет собой испорченный «жаргон», похожий на русский, и вы сделаете куда лучше, если возьмете [на себя] благородную ношу переделать его на чистый русский язык». Однако, ассимиляция не предполагала полную и форсированную русификацию. Речь, скорее всего, шла о том, чтобы удовлетворять те «национальные» потребности молдаван, которые бы не ставили под сомнение их лояльность российским властям. «Все культурные начинания в Бессарабии должны, - по мнению российского сановника, - брать за образец работы молдавской епархиальной типографии, которая преследует эту цель для молдаван и нашего государства»⁴⁵.

Косвенным свидетельством, как минимум, настороженного отношения властей к латинице и трений по этому поводу с национальными активистами, могут служить намеки, содержащиеся в статье «Молдавский язык в школе» из газеты «Гласул Басарабией» (1913 г.), подписанной псевдонимом «К.» (вероятнее всего Григоре КонстантINESКУ). Автор статьи пишет: «слов «румын» или «румынский» боятся с тех пор (после празднования 100 летнего юбилея присоединения Бессарабии к России — О. Г.) как чумы, невозможно писать, например, на румынском языке, но на молдавском, - не пиши «латинскими буквами», но русскими, чтобы не говорили имеющие длинный язык: «смотрите, сепаратисты!»».

⁴⁵ Alexis Nour, «Scrisori din Basarabia», *Viața Românească*, 11 (1908), 288.

В появившемся в 1908 г. церковно-просветительском журнале «Луминэ-торул» использовалась традиционная румынская кириллица, передаваемая славянским и гражданским шрифтом. Причин такого выбора было несколько. Во-первых, основными читателями журнала были священники, так или иначе знакомые со старопечатными книгами, а во-вторых, издателями были в целом те же люди, что несколькими годами ранее поддерживали идею издания славянским шрифтом листков Христорождественского братства. Использование латиницы было, естественно, исключено. Примечательно, что в церковных кругах в этот период не получила большого распространения идея Ильминского о сближении с русской графикой. Даже в учебниках «для народа», например, в изданных Гурием (Гросу), в ущерб практичности применялся старомолдавский алфавит. Однако, за пределами церковных публикаций, или печатной продукции, изданной священниками, «славянские буквы» не получили распространения.

Среди румыноязычных периодических изданий начала XX в. наиболее орфографической оригинальностью отличалась газета «Гласул Басарабией». Такая орфографическая система была, по-видимому, придумана редактором газеты Григорием Константинеску. Подобная система начинает использоваться еще в 1912 г. в ряде «официальных» брошюр для народа, напечатанных по случаю столетия присоединения Бессарабии к России, в переводе которых принимал участие сам Григорий Константинеску⁴⁶. Как и в орфографии Мадана, румынский «ă» передавался буквой «ъ», а «й» употреблялась не только в значении русской и-краткой, но и для передачи палатализации вместо «ь»: ср. «оаменъ» vs. «оамень». От варианта 1912 г. орфография «Гласул Басарабией» отличалась передачей дифтонга «ea» через кириллическое сочетание «ea», а не букву «я», как это было принято в подавляющем большинстве бессарабских изданий той эпохи. Другой особенностью выступала последовательная передача конечного сочетания «ia» через кириллическое ia, а не iя. Буквы Ю и Я по сути не употреблялись вообще, заменяясь диграфами, созданными по модели румынского алфавита. Однако, начиная с 17 номера, издатели отказались от подобной нормы и заменили ЕА на Я; еще раньше чаще стала употребляться буква Ю. По всей вероятности, нововведения Константинеску были не вполне понятны и удобны ни корреспондентам, ни читателям газеты. Отдельные статьи содержат следы корректуры, выразившиеся в неполной переделке текстов, изначально, по-видимому, написанных другими орфографиями.

⁴⁶ Например: Н.В. Лашков, *О сущь де ани де ла тречеря Басарабией кьтръ Россія, 1812-1912* (Кишинев: Тип. Бессарабского Губ. Правления, 1912).

Де ла Редакціе.

Чине дореште съ спринжине «Гласул Басарабіей», съ биневоіаскъ а не тримите платъ пе ун ан ыннанте— 2 рубле ши 50 копейчй— сау чел пуцин пе жуматате де ан—1 руб. 50 коп.

Паралеле ругъм съ фіе тримисе нумай пе адреса, Григоріе Д. Константинеску Кишинѣу, Кіевская № 47.

Скимбынд плата пенстру газетъ пе ун ан, ку тримисул прин поштѣ,—нумай 2 руб. 50 коп. ын Россія, іар песте границе 3 рубле, Редакція нѣдждуеште къ нумѣрул абонацілор (ынскріиторилор) ла газета «Гласул Басарабіей» ва фирма, пенстру а іеши макар ын капете...

Пъринтеле Теофан о имбогъцит мѣнѣстиреа, фіннд ун ом мѣкар ши пуцин инвѣцат, дар причепут ши господаря, аша къ ла мѣнѣстиреа луй, унде дупѣ орындуіала фѣкутъ де динсу, служба се фачепе лимба молдовенеаскъ,— ынне мулѣй инкинѣторѣй молдовенѣй, карѣ адучеу мулте жертфе. Дар пенстру аста ел привѣ ла авуціа мѣнѣстирей, ка ла а луй ши келтуезиле де пурта фѣрѣничѣй о сокоатеа. Се зиче, къ одагѣ епископул Неофит л-о интребат пе п. Теофан, де съ поаргѣ ын мѣнѣстире бухгалтеріе, дар ел о рѣспунс: «Луй Думнезеу ну-я требуеште бухгалтеріе». Причина каре л-о грѣбит

Алфавит Г. Константинеску, газета «Гласул Басарабіей», 1913

В орфографии Константинеску проявились тенденции сближения как с румынской нормой, так и с исторической кириллицей и орфографией церковных изданий. Но полное следование подобной норме было невозможным, в том числе и по техническим причинам. Так, издатели газеты сетовали, что «славянская»⁴⁷ буква Ц отсутствует в типографии, поэтому мы используем букву ж»⁴⁸. Однако, при этом доступная в типографии буква ять (ѣ) не использовалась согласно правилам исторической кириллицы, но употреблялась по нормам русской орфографии в заимствованных из русского словах и именах собственных («свидѣтельство», «предсѣдателю», «Авдѣев» и т.д.); аналогичным образом употреблялась фита (Ѡ) и Щ, в румынской кириллице использовавшаяся для передачи сочетания шт.

Несмотря на указанные тенденции, в орфографии и языке издания встречаются особенности, характерные для молдавского диалекта, например, «о фост» вместо «а фост», «русаскъ» вместо «русеаскъ» и т.д. Последовательность выбора таких форм может свидетельствовать о личных языковых предпочтениях Константинеску. Также есть тексты, написанные полностью на диалекте, с огромным количеством русизмов. Как правило, это письма в

⁴⁷ На самом деле, эта буква является румынским изобретением, заимствованным позднее сербами.

⁴⁸ Гласул Басарабіей, 34 (1913).

редакцию или новостные заметки от корреспондентов из сел. Примером подобного рода текстов может служить корреспонденция Т.С. Чебану из села Валя-Пержей:

Еу газета Думнелорвоастри «Гласул Басарабией» о четеск пи ла тот кыр-дишору ди оаменй ши тари сы'нтересазы, мулцй ау охоты ди выписуит (ау доринцы съ се ынскрие)⁴⁹.

Отдельное место в «Гласул Басарабией» занимала «реклама» латинской графики. Начиная с 33 номера, в газете печатался румынский алфавит параллельно с «русским», с пояснением правил чтения румынских букв, включая правила, действовавшие до реформы 1904 года. Подобные сообщения печатались достаточно регулярно вплоть до лета 1914 года. Примером пропаганды латиницы может также служить статья «К молдаванам», подписанная Марией Епуре. Автор начинает с того, что призывает молдаван писать «друг другу только по-молдавски любым видом букв: румынскими или латинскими, русскими или славянскими, - лишь бы по-молдавски читались». Но при этом призывает обязательно изучить латинские буквы, т. к. «из всех румын на земле» только бессарабские молдаване пишут и печатают русскими буквами. Русские буквы, по мнению Епуре, не подходят молдавскому языку, т. к. не передают все его звуки. На кириллице же книг мало и печатная продукция, издаваемая в Бессарабии, не может удовлетворить всех потребностей молдаван. Следовательно, знание румынского алфавита откроет для молдаван больше возможностей⁵⁰.

Последними и наиболее успешными с точки зрения длительности существования и популярности у читателей изданиями стали журнал (1913) и газета (1914) «Кувьнт Молдовенеск». Для этих изданий, а так же не-периодических публикаций (книг, брошюр и т.д.), принадлежавших тем же издателям, были характерны «стандартные» алфавит и орфография, унаследованные со времен газеты «Basarabia». Попытки пропаганды латиницы были эпизодическими (например, в одном из первых номеров журнала заявлялось, что русские буквы не подходят для передачи молдавского языка; при этом примеры «неудобства» кириллицы приводятся такие, которые в равной степени могли бы относиться и к румынской латинице.⁵¹) и, по всей вероятности, скорее символическими, чем практическими.

После февральской революции 1917 г. в Бессарабии, вместе с ростом молдавского книжного рынка, расширяется и сфера применения латини-

⁴⁹ В скобках, вероятно, пояснение корректора; *Гласул Басарабией*, 14 (1913).

⁵⁰ *Гласул Басарабией*, 37 (1914).

⁵¹ *Кувьнт Молдовенеск*, 5 (1913), 2.

**Бѣтрѣ фѣмѣилѣ, карѣ аѢ бѣрбацѣ рѣѣ (бѣцѣивѣ
саѢ кѢ алтѣ рѣлѣ нѣрбацѣрѣ).**

(Днн бѣаца сѣ. мѣч. Янастасѣа. Чѣт. мнн. 22 Дѣкемѣрѣ).

Унелор фѣмѣй крѣшине Думнѣзеу лѣу тримѣс ка
о испитѣ бѣрбацѣ рѣѣ. Ла уна естѣ бѣцѣив, ла алтѣ
ши фѣрѣ бѣцѣе естѣ хѣрцѣгос, естѣ аспру, ла алцѣѣ
бѣрбацѣ капѣ ле естѣ плин дѣ фѣлѣуритѣ лукрурѣ не-
потривитѣ. Чѣ дар сѣ фѣачѣѣ вой, фѣмѣилор, авѣнд
аша бѣрбацѣ? Сѣ плѣнцѣѣ, сѣ ругацѣ дѣла Домнѣул
бѣрбацѣилор моартѣ? Ну, ну требѣуй сѣ плѣнцѣѣ, сѣ
кѣдѣѣ ѣ дѣзнѣждѣ. сау сѣ ругацѣ бѣрбацѣилор моар-
тѣ, чѣ требѣуй сѣ фѣачѣѣ аша, кѣм ѣвацѣ сѣ. мѣченик
Хрисогон.

Старорумынская кириллица, записанная гражданским шрифтом, журнал
«Луминѣторул», 1913

цы. Однако, еще долго большинство печатной продукции продолжает вы-
ходить на кириллице, что ставит под сомнение распространенное мнение о
цензурных мотивах использования кириллицы в изданиях начала XX века.
Окончательный поворот в сторону латинизации происходит вместе с вхо-
ждением Бессарабии в состав Румынии в 1918 году. Последним крупным из-
данием, использовавшим кириллицу, оставался журнал «Луминѣторул». С
мая 1920 г. официальная часть печаталась латинским шрифтом в типографии
«România Nouă», а с октября, когда была переоборудована епархиальная
типография, журнал полностью перешел на латиницу⁵². Но отдельные тек-
сты на кириллице печатались в журнале вплоть до 1924 года⁵³. Таким обра-
зом, «Луминѣторул» оставался последним изданием, пользовавшимся тра-
диционным румынским алфавитом.

В отличие от других языков Российской империи, румынский язык в
Бессарабии в XIX — начале XX вв. не подвергся явным формам регламен-
тации алфавита. Это было связано с тем, что к середине XIX в. румынский

⁵² *Luminătorul*, 1 (1933), 6.

⁵³ *Presa basarabeană de la începuturi până în anul 1957. Catalog*, alcăt. M. Șcelcikova (Chișinău: Poligraf, 2002), 140.

язык стал маргинальным и оказался фактически вытесненным русским в делопроизводстве, системе образования, церкви и публичной сфере. Количество изданий в этот период было незначительным и ограничивалось церковно-миссионерской литературой, где единственной допустимой графической формой оставалась традиционная кириллица. Немногочисленные светские издания, как местные, так и завезенные из-за Прута, по всей вероятности, не представляли для агентов «алфавитной политики» сколько-нибудь заметной угрозы.

Частичное возвращение румынского языка в публичную сферу в начале XX в., связанное с деятельностью молодого поколения молдавских интеллектуалов, сделало актуальным вопрос выбора алфавита и орфографии. С аналогичными дилеммами в разное время сталкивались многие национальные движения в Российской империи. Будучи относительно свободными (по сравнению с другими окраинами) в выборе графической формы передачи языка, бессарабские националисты, тем не менее, были вынуждены выбирать между практичностью и понятностью, с одной стороны, и символичностью, с другой. В условиях и без того небольшой аудитории, такой выбор делался чаще всего в пользу понятности, отсрочивая вопрос об инкорпорации бессарабских молдаван в общерумынскую культурную среду на неопределенный срок. В конечном итоге, наиболее популярным оказалось решение, основанное на принципах, схожих с теми, которыми руководствовались создатели миссионерских алфавитов на восточных окраинах Российской империи. Неопределенность в выборе алфавита и литературной нормы также отражала неопределенность идентичности бессарабских молдаван.